

ТРАДИЦИОННОЕ (ОБЫЧНОЕ) ПРАВО В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТИФЛИСЕ:
НА ОСНОВЕ ОПИСАНИЯ БОЖЬЕГО СУДА В «ИСТОРИИ ГРУЗИИ»

ПАРСАДАНА ГОРГИДЖАНИДЗЕ

Ерванд Маргарян

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

War is the sport of kings.

Abstract

Casual procedure was not common for the traditional societies of antiquity and the Middle Ages. The prosecuting party and the defendants, as a rule, built evidence on esoteric signs. The combative, emulative argument of the litigant parties was not a metaphorical, but a physical one. Formal logic was often ignored, because, from the point of view of an archetypically thinking person, it could not reveal a guilty one. The latter was supposed to be revealed by God's court, and, in order to give a verdict, it was only necessary "to read" the implicit evidence. A typical example of God's judgment is the description of the death duel of the Armenian and Georgian knights in the «History of Georgia» by Parsadan Gorgidzhanidze.

Keywords: *Ordeal, Mediaeval Tiflis, Royal Hunting, Hybrid Death of the Prince, Kura-Lethe*

Аннотация

Традиционные общества древности и Средневековья не знали каузального судопроизводства. Обвиняющая сторона и ответчики, как правило, строили доказательную базу на эзотерических знаках. Битвенный, агональный спор тяжущихся сторон носил не метафорический, а физический характер. Формальная логика нередко игнорировалась, поскольку, с точки зрения архетипически мыслящего человека, не могла выявить подлинно виновного — его выявлял Божий суд, где доказательством вины или отсутствия таковой выступали явления и предметы, несущие на себе отпечаток Высшей воли. Важно было лишь суметь "прочитать" неявные свидетельства и вынести на их основании верный вердикт. Характерным примером Божьего суда мы считаем описание смертельного поединка армянского и грузинского рыцарей в «Истории Грузии» Парсадана Горгиджанидзе.

Ключевые слова: *Ордалия, тайные знаки, средневековый Тифлис, царская охота, гибридная смерть царевича, Кура-Лета*

Как и в любом традиционном обществе, правосудие средневекового Тифлиса было основано на доэтических, а не на каузальных правовых понятиях. Средневековое общество было ещё далёко от основополагающих норм

современного права. Не было известно о презумпции невиновности, зато в суде широко практиковалась состязательность. Истец и ответчик затевали тяжбу (агон), в результате которой должны были выявиться правый и виноватый. Одной из характерных особенностей средневековой тяжбы была театральность, а также метафоричность слов и действий. Подобно древнегреческой трагедии, суд носил характер битвенного агона или ордалии. Причём особая роль в этом агоне отводилась судьям и зрителям, которые, подобно хору и зрителям античного театра, играли отнюдь не пассивную роль. Они прекрасно владели метафорической знаковой системой и могли расшифровать любую мифопоэтическую инвективу, заключённую во фразах и действиях тяжущихся. Современному, понятийно мыслящему интеллектуалу, отягчённому каузальной логикой и воспитанному в лучших традициях римского права, подчас недоступно образное, архетипическое, инвективное мышление средневекового человека. Однако то, что сегодня может вызвать недоумение или даже скептическую ухмылку, в иные времена будоражило страсти и определяло судьбы людей и народов. При этом, «...разрешающей» инстанцией не обязательно должен был быть формальный суд или облеченный специальными полномочиями судья; это могло быть и общее собрание племени, и вождь, и старейшины, мудрецы, и просто любой третий человек: сосед, первый встречный, способный "рассудить"» (Харитонов 1983: 1). «Клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам верили больше, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам» (Гуревич 1972: 159).

В этом отношении особенно показательны два фрагмента из «Истории Грузии» («Сакартвелос Цховреба») Парсадана Горгиджанидзе, где описывается особый вид судебной тяжбы в средневековом Тифлисе, известной под названием *Божий суд*. В них описываются события, относящиеся к годам правления царя Ростома. В первом фрагменте рассказывается о том, как Ростом-хан справедливо наказал своего вассала, предавшего его и перешедшего на сторону врага: *«Построили отряды, затрубили в трубы и царю доложили: „Нападём на противника неожиданно“. Царь счёл ниже своего достоинства такое нападение и так изволил сказать: „Грузины сражаются друг с другом, чтобы оправдать справедливый суд. Я тоже хочу сразиться со своим подданным ради справедливого суда, и, если я не прав перед ним, пусть победа будет на его стороне... Поэтому хочу я испытать божий суд, выяснить, кто из нас не прав»*» (Горгиджанидзе 1990: гл. 65). Характерно, что вершащий Божий суд Ростом-хан, подобно прокурору, произносит обвинительную речь, которая обставлена по всем правилам сценического искусства, что является характерной особенностью той эпохи. Вообще, архаичное докаузальное судопроизводство долгое время сохраняло «...обычай судебного красноречия и функции прокурора и адвоката. Ораторство является древнейшим жанром... Похоронные речи, похоронные 'славы' чрезвычайно архаичны... Логос-смерть и логос-жизнь единоборствуют

друг с другом; место агона – могила, судебное возвышение, сценические и храмовые высоты. Суд – первоначально загробный суд, но не правовой. Нужно всё время не упускать из виду, что античный 'суд' параллельно протекает в театре и при народных состязаниях (так называемых играх); суд правовой не больше как вариант загробного суда, получившего новую смысловую направленность, и недаром его основная функция – карать, присуждать "смерть" или «мзду» (в то время как сценический и игровой суд пошёл по линии присуждения «награды», победы, славы, то есть жизни) (Фрейденберг 1978: 162).

В том же произведении излагается ещё более интересная история о том, как вершился Божий суд. Горгиджанидзе повествует о том, как в годы правления того же царя Ростома грузинские князья, желая ослабить центральную власть и усилить свои позиции в Картли, сговорились извести царевича Луарсаба, наследника престола, которого бездетный царь Ростом усыновил и намеревался вскоре возвести на престол. Для этого тавады организовали заговор, и во время охоты царевич, подобно загнанному оленю, был подстрелен, представ перед нами как бы в роли гибриста античной драмы.¹ После того как царевич получил смертельную рану, «...охота расстроилась, и к царю послали гонца, сообщить ему о таком горестном случае... Царь бросил шапку оземь и стал бить себя по голове и плакать. Он присел к царевичу и стал его выпрашивать, с какой стороны попала в него пуля, и кто стоял на той стороне, и не знает ли он, чьё это было ружьё. Царь Ростом написал шаху об этом происшествии, но, так как в то время совершался поход на Кандахар, царь, чтобы не смущать народ, не стал расследовать это дело. Однако ввиду того, что Сиаош Бараташвили обвинил Байндур Туманишвили и сказал ему, что царевича убила пуля из его ружья — то их вывели на божий суд.

В это время Сиаоша Бараташвили и Байндур Туманишвили вывели на божий суд.

...В Грузии грузин много и за ними сила, а армян мало, и они слабы. О такого рода делах они и говорить не могут, не то что их совершить.² А грузины хотели,

¹ Подобно дичи, подстреленный на охоте, царевич Луарсаб в "Истории" Парсадана Горгиджанидзе, показан искупительной жертвой, затравленным травителем, фармаком. Охотничий азарт, раж, кратковременное торжество наследника престола неожиданно заканчиваются гибристической смертью наивного юноши.

² Явная симпатия Парсадана Горгиджанидзе к армянским мокалакам и плохо скрываемая неприязнь к грузинским тавадам объясняется его армянским происхождением. Автор «Истории Грузии» был родом из Гори, который в Средние века, впрочем, как и многие другие города Грузии, был исключительно армянским городом. Хотя в «Истории» нет на это прямых указаний, но, вероятнее всего, Парсадан, как и его брат, из сугубо карьерных соображений приняли ислам и занимали высокие должности в Грузии и Иране, пользуясь доверием мусульманских правителей. Этим

чтобы эта кровь пала на голову армян. Положение армян тем было плохо, что клятвами или уверениями этот вопрос не мог быть решён.³ Сиаош Бараташвили сказал, что в царевича стрелял Байндур Туманишвили. Тот отрицал это. Поэтому их заставили сразиться, и повелением бога правда выявилась.

Оба они, грузин Бараташвили и армянин Туманишвили, согласно своей вере отправили требы и подготовились к сражению. Царь и кызылбаши стали на сторону армян, а царица и грузины поддерживали Сиаоша. Царю доложили, что такие дела не решаются без меча. Царь и повелел: «Что полагается по их вероисповеданию, пусть выполнят и условятся о поединке. Ко времени поединка пусть приходят к нашему двору». Они выполнили приказ царя, исповедались и покаялись, причастились и раскаялись в совершении зла, просили и получили прощение у тех, перед которыми провинились, и кому были должны что-нибудь,

объясняется великолепная осведомлённость Горгиджанидзе относительно не только общеизвестных, но и тайных, закулисных, событий, придворных каверз и интриг той эпохи.

³ Вначале грузины пытались обставить гибель царевича как несчастный случай. Парсадан так описывает эти события: «Князья сказали царевичу Луарсабу: «Царь останется здесь пять или шесть дней. Вы можете переехать на другой берег и поохотиться в прибрежном лесу».

Царевич был молод, ему понравилось предложение и он отпросился у царя. Сначала царь не разрешал ему, и он еще раз просил его отпустить. Царь разрешил. Перебрались на другой берег, чтобы там поохотиться в лесу на оленей и кабанов... (далее идет описание охоты, Е.М.) В это время в царевича Луарсаба попала пуля из мушкета, и поднялся плач, и все били себя по голове...

Царевич так сказал царю: «Если я выздоровею, сам найду того, кто меня ранил, а если умру, то дай бог вам здоровья, как найдете лучшим, так и поступайте». Он прожил до следующей ночи, и когда умер, то во всех шалашах поднялся плач, и все били себя по голове. Те, которые радовались, еще громче плакали и сильнее били себя по голове, чтобы не догадались об их радости» (Горгиджанидзе 1990: § 82).

Но очевидно мало кто поверил в версию о том, что случайная пуля угодила именно в наследника престола. Все прекрасно понимали, что, стреляя в наследника, грузины метили в Ростом-хана — это был заговор против царя, которого грузинская знать хотела заменить на кого-нибудь из рода Орбелиани и Дадиани. Ростом в Тифлисе поддерживали армянские мокалаки и малочисленная армянская знать, и, само собой, тифлисские мусульмане (грузины и турки). Числом они превосходили грузинских князей и их челядинцев, но те, в свою очередь, имели большие дружины, состоявшие из дальних деревенских родичей и крепостных крестьян со всей Грузии — это был значительный ресурс.

Поняв, что никто не верит в версию о шальной пуле, грузинские феодалы прибегли к новой каверзе, на этот раз они решили убить одним выстрелом сразу двух оленей — отвести от себя подозрения и нанести удар по армянским мокалакам, которые превосходили грузинских князей если не знатностью, то богатством и вдобавок пользовались покровительством как грузинского, так и шахского двора. Ставка была сделана на лучшего бойца в грузинской армии, ему было поручено обвинить армян и в поединке посрамить их. В случае победы грузинского бойца, давно запланированное избиение армян в Исани, Сабортало, Ваке и других армянских кварталах было бы неизбежным. Богатые армянские кварталы с домами и имуществом навсегда перешли бы во владения грузинских феодалов.

вернули долги. Обошли свои церкви, внесли им пожертвования и по мере возможности раздали бедным и немощным.

В условленное время они приехали в город Тбилиси. Место для поединка им назначили на другом берегу Куры, против дворца, чтобы со всех сторон могли их видеть. Оба они одели на себя боевые доспехи, сели на коней и переправились на тот берег. Царь поставил шесть ясаулов на место боя. Ворота крепости заперли, чтобы ни туда не впускать, ни из неё не выпускать никого. Бараташвили и Туманишвили верхом стояли поодаль друг от друга.

С этого берега им закричали, что пора начинать бой. Первым поскакал на противника Сиаош. Он ударил его копьём, прорвал кольчугу и проткнул бок. Копьё сломалось, а наконечник его застрял в боку у Байндур. Теперь Байндур обратился на него и ударил Сиаоша копьём в бедро. Копьё сломалось и у него. Он отъехал от противника. Сиаош поскакал за ним, догнал и, ударив палицей, отступил. Теперь Байндур догнал его и ударил палицей, но так как рука у него была мокрая от собственной крови, то палица выскользнула у него из рук, и лошадь у него понесла. Сиаош же гнался за ним и бил палицей. Байндур схватился за саблю и взмахнул ею за собой. Удар пришёлся по носовой стрелке шлема Сиаоша и он тотчас упал с коня. Мусульмане и армяне стали громко кричать: «Аллах, Аллах».

Байндур бросился к упавшему, чтобы прикончить его, но ясаулы не допустили его. Всё же он успел убить его лошадь. По повелению царя, арестованного Сиаоша сдали в крепость, а Байндур, раненый, не снимая боевых доспехов, на своём коне переехал на этот берег и, поклонившись царю, доложил ему: «Это враги ваши хотели, чтобы мы сразились, и вот оба мы без вины, напрасно поранили друг друга». Сказав это, он поехал к себе домой, а царь послал ему лекаря и мумиё. С трудом вынули у него застрявший в теле наконечник копья. За два года еле зажила рана у Сиаоша. Ему грузины помогли выпутаться из беды. Его кольчугу и оружие царь отдал Байндур.⁴ Царевич же остался не отомщённым» (Горгиджанидзе 1990: гл. 82-83).

⁴ Это было частью древней традиции – оружие и доспехи побеждённого переходили в собственность победившего. Для того чтобы понять глубинный смысл этой архетипической истории, приведём выдержку из лекции XII О. М. Фрейденберг: «Человек, пришедший из другого поселения, считался „врагом“; однако, если он в рукопашной борьбе не был побеждён, он делался „другом“». Такой пример в «Илиаде», когда Диомед и Глаук, сойдясь лютыми врагами, без всякой иной мотивировки, кроме поединка вничью, расходятся близкими друзьями. Таково же происхождение многих древних „дружб“... Итак, в рукопашной происходит обмен тотемами, и «другой» из двух делается „другом“... „Пришелец“, „чужак“, получивший долю тотема, становится сам этим тотемом; он входил в данный тотемный коллектив на правах равного, и не только он сам, но и всякий, к кому переходила эта часть разломленного тотема» (Фрейденберг 1978: 65-66).

На первый взгляд, может показаться странным, что Сиаоша арестовали и заточили в зиндан,⁵ однако в представлении средневекового человека он, безусловно, был виновен и должен был понести наказание за то, что оклеветал невинного. Причём, в случае победы Сиаоша и поражения Баяндур гнев и кара грузинского войска обрушились бы не только на него самого, но и на всех тифлисских мокалаков, и даже мудрый и справедливый царь Ростом едва ли смог бы оградить армянских горожан от этой напасти.⁶ Ведь Баяндур потерпел бы поражение не в человеческой тяжбе, а в поединке-ордалии. В таких поединках, согласно архетипическому миропониманию, победителем выходит не сильнейший, а правый, тот, на чьей стороне Господь. Даже слабого Господь оборонит в поединке, а виновный, как бы ни был силен, получит по заслугам. Однако и сам Баяндур в миру не безгрешен, иначе вначале поединка не получил бы раны — не случайно из его окровавленных рук выскользнула палица. Но руки его были скользкими от собственной крови, а в пролитой крови царевича он был неповинен, потому и удостоился *славы* и *трофея*. Сиаош же за заведомую ложь и клевету был повержен и посрамлён.

По сути, Сиаош, лишённый *славы*-фарна и оставшийся без коня и оружия, с наконечником копья в бедре – типичный гибрист, обречённый вскоре из травителя превратиться в травимого (Фрейденберг 1978: 334-338). Причём в представлении средневековых людей каждый предмет и образ (конь, доспех,⁷ рана в бедре)⁸ в этом рассказе имеют свою знаковую семантику, которая без труда расшифровывалась современниками. Характерно, что поединок происходит по ту сторону Куры, которая, по сути, является водоразделом жизни и смерти, правого и левого (т. е. правды и кривды) (Աճառյալի 1971: 245). Кура, речная вода, в мифопоэтическом сознании грузин и армян — эсхатологическая стихия. Мтквари (Кура) сродни Лете, разделяющей мир живых и мёртвых, упорядоченного и хаоса (Степанян 1991: 21, 27-28; Մարգարյան 2001: 110-117).

⁵ В архаическом сознании зиндан, каземат не просто тюрьма, это аналог могилы, загробного мира. Заточённый в темницу человек воспринимался архаическим сознанием не иначе как мёртвый, покойник (Фрейденберг 1978: 157-160).

⁶ Подобного рода рыцарские поединки между армянскими мокалаками и грузинскими князьями были допустимы, так как мокалаки первой степени по статусу были равны дворянам второй степени, т. е. азнаурам, но не тавадам. С тавадами они уравнились лишь в середине XIX в., в годы наместничества графа Воронцова, когда тавадов и азнауров объединили в единое сословие тавадазнауров.

⁷ В архаической мифопоэтике конь и доспехи являются воплощением славы – фарна.

⁸ И. С. Ключков в одном из редких пока исследований, описывая „переживание“ вещи древневосточным человеком, замечает, что «...мир вещей не был отделен от мира людей» [Ключков 1983: 50]. Это заставляет вспомнить кажущиеся на первый взгляд парадоксальными слова О. М. Фрейденберг [Фрейденберг 1983: 63] о том, что «вещь появилась у человека не в силу его потребностей». Точнее, не только, а иногда даже не столько в силу его потребностей.

Так или иначе, убийц царевича не стали искать, едва начатое расследование было прекращено, Парсадан дает понять, что Ростом-хан знал, кто организовал заговор, но поскольку после смерти наследника грузинский царь стал еще более уязвим, а убийцы были люди могущественные, вполне способные организовать смуту в государстве, дело замяли. Однако победа Баяндур, по сути, выявила подлинных виновных. Грузинские князья были вынуждены были затаиться, возможно, еще и потому, что из похода вернулся победоносный персидский шах – союзник и покровитель Ростом-хана.

Помимо сакрального характера описанных событий, характерной особенностью Божьего суда, вершимого на берегу Куры, является подчёркнутая театральность, которая была отличительной чертой любого судебного действия в архаическую эпоху. *«„Стороны“ в судебном процессе семантически совершенно соответствуют „актёрам“ и „жрецам“.* Они одеты торжественно, увенчаны, произносят свои монологические диалоги в том же словесном и действенном стиле, что и актёры, – не только говорят, но и играют. Зрители присутствуют в суде, как и в театре: они аплодируют или свистят, напоминая о том времени, когда „судьей“ был весь коллектив в целом, а не только один „царь“ или одно „народное собрание“, или один „присяжный“ и „судьи“. Известно, что средневековый суд, и особенно ордалии, судебные поединки, пытки и казни представляли собой народное зрелище. Трудно сказать, что такое римские послесудебные сценические мартирии, или гладиаторские игры, в которых гладиаторами являются преступники, – что это, зрелища или публичные казни?» (Фрейденберг 1978: 162).

В. В. Величко отмечал, что в XIX веке, с приходом русских в Тифлис, грузинам поневоле пришлось отказаться от традиционного права, так называемых неписаных законов, характерных для предыдущей эпохи. Вместо этого им пришлось руководствоваться правосудием, основанным на современном европейском каузальном праве, что, по его мнению, не характерно и противопоказано для грузинского народа. По этому поводу им было подмечено: *«Правовой формализм для народов, исторически приученных к скорому решению дел по существу; состязательный судебный процесс для людей, у которых есть в крови веками выработанная **спортивность**; передача главнейших жизненных вопросов из рук воинского класса, обладавшего в глазах туземного населения престижем недавних побед, – в руки духовно-мелкой кавказской бюрократии, среди которой и доселе непомерно велик процент отбросов; классическая система, с отказом от воспитательных задач, для детей племён воинственных, подвижных, **исторически не склонных к большим дозам сухого книжного знания**, страдающего очевидной **неприменимостью к жизни...**»* (Величко 2003: 29).

По поводу судебной процедуры в средневековой Грузии этнограф Николай Берзенов (Бердзенишвили) справедливо отмечал: *«Суд и расправа в те времена,*

как известно, производились чаще всего под открытым небом, и мы, кажется, безошибочно можем сказать, что для этой цели никакого нарочитого сооружения не требовалось; тем более что и самая судебная процедура отличалась патриархальностью, доходившею иногда до невероятной простоты» (Бакрадзе, Берзенов 1870: 83).⁹

В средневековом Тифлисе широко практиковалась также и другая форма Божьего суда – ордалия. Об этом повествует царевич Давид Багратиони: «Правление Грузии основано было на Законах Моисеевых и Греческих и на учреждениях, грузинскими царями введённых. Но уголовные преступления судимы были особенно по греческим уставам. Убийцы казнены были смертью; а за раны, кинжалом или саблею нанесённые, полагалось наказание по вымериванию ран, и получивший рану был удовлетворяем соразмерно тому, сколь велика была рана, что самое полагают принятым от древних германцев, ибо в древности существовал у них сей обычай. В сомнительных делах присуждали обвиняемого брать раскалённое железо, и не обжжённый рук признаваем был невинным... Так же для отыскания сомнительной истины употребляема была от суда и кипящая вода, в которую обвиняемый, положивши руку, если не обжжёт оную, то признавался правым, что употребляемо было также в Европе, как показывают Законы Салические» (Багратиони 1971: § 28).

«Главный суд производим был диванбегами, а в провинциях и сёлах избираемы были из дворянства и поселян годовые судьи, называемые на грузинском языке бче. Но у горских народов такие судьи назывались хевисбери, избираемые из отличных породю поселян, и они бывали также жрецами» (там же: §§ 1-62).

Ордалия особенно широко применялась в отношении женщин — обвинённых в неверности жён и ведьм (джаду), изобличённых в колдовстве. Таких в одежде, со связанными руками бросали с моста в Куру (не забудем, что в

9. Здесь же, совсем в духе шекспировского «Шейлока», приводится анекдотический случай из тифлисской судебной практики, демонстрирующей, кстати, не только бесправие тифлисских евреев, но и неравенство перед законом людей разного исповедания и национальности, и бессилие властей что-либо изменить в архаических способах суда и расправы: «Вот, кстати, один из эпизодов тогдашней судебной практики, рассказанной старожилом, который много видел, а еще много слышал на своем веку. Судьею является сам Георгий XII, царь, доброта и набожность которого вошли в пословицу, истцом – разносный торговец-еврей, а ответчиком – один из князей, лично известный царю по своему бойкому и шутивому характеру. Этот князь забрал у еврея товару на несколько десятков рублей и по заведенному с искони веков обычаю не хотел платить долга. Кредитор, улучив благоприятную минуту, бьёт челом царю на князя. Последнего требуют к ответу. – Почему не платишь еврею, батону чемо? (господин мой, – любимое выражение Георгия). – «А потому, что я грешник, болезнь твоя мне». – Так что ж из того? Грехи грехами, а долг надо платить. – «Вот этого то и не подобает, – болезнь твоя мне! Ведь сам знаешь, в писании сказано: «грешник берет займы и не платит, а праведник щедр и дает». Ты праведник; дай же еврею, чего он просит, если уж хочешь непременно его удовлетворить». Говорят, ввиду такого аргумента, царь добродушно улыбнулся и велел заплатить еврею из собственного кошелька...» (Бакрадзе, Берзенов 1870: 83-84).

средние века большинство женщин не умели плавать и испытывали мистический страх перед Курой). Считалось, что если женщина невиновна, то река её вынесет на берег, а виновную заберёт. Утопленников тифлисы считали грешными, ведь Господь не заберёт невинную душу. Существовало поверье, что души утопленников бродят по земле или остаются в реке, притягивая детей и психически слабых людей в омут. Интересное наблюдение приводится у царевича Давида: *«В память умерших грузины закалывают быков и баранов, а для утопших убивают козлов, ибо утопшие почитаются грешными. Должно полагать, что сей обычай принят от евреев, которые для очищения грехов закалывали козлов и баранов, а свинью ни при жертвоприношениях, ни при помиловании мёртвых грузины не употребляют и считают сие животное не чистым, хотя и едят оногo мяса»* (там же: § 14).

Правда, существовали и другие способы наказания прелюбодеек. Царевич Давид повествует: *«Когда не находили средств к обузданию какой-либо распутной женщины, соблазнившей многих молодых людей, то сажали её на осла и водили по улицам города. Когда ж и от сего не исправлялась, то отрезывали нос»* (там же: § 27). Причём, согласно царевичу Давиду, наказание могла понести не только неверная жена, но и её совратитель, которого обманутый муж мог даже убить и не понести за это уголовной ответственности. Вместе с тем царевич Давид с возмущением отвергает измышления некоторых французских путешественников о том, что грузинские мужья безразличны к изменам своих жён и даже готовы простить обидчику за небольшую пеню: *«Что ж касается до равнодушия мужа в рассуждении прелюбодеяния жены своей – преступление весьма важное по всей Азии, то не только, чтоб муж соглашался на заглаждения прелюбодеяния жены своей за поросёнка, но даже убил соблазнителя жены своей, освобождался от наказания по гражданским законам, а подвергался только духовным, за что обыкновенно полагается была епитимия»* (там же: §§ 1-62). Не вызывает сомнения, что подобные высказывания французских авторов, имеющие целью «добавить перчику» своим мемуарам, воспринимались современниками как бессовестные инсинуации, и высказанное по этому поводу возмущение царевича Давида может вызвать лишь сочувственное понимание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Багратиони, Д. (1971), *История Грузии*. Перевод и комментарии А. А. Рогава, Тбилиси.
- Горгиджанидзе, П. (1990), *История Грузии*. Пер. Р. К. Кикнадзе, В. С. Путуридзе, Тбилиси.
- Бакрадзе, Д., Берзенов, Н. (1870), *Тифлис в историческом и этнографическом отношениях*, Санкт-Петербург.
- Величко, В. Л. (2003), *Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Черная книга*, Москва: ФЭРИ-В.
- Гуревич А. Я. (1972), *Категории средневековой культуры*, Москва.

- Клочков И. С. (1983), *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время*. Москва.
- Степанян А. А. (1991), *Развитие исторической мысли в древней Армении. Миф. Рационализм. Историописание*, Ереван.
- Фрейденберг, О. М. (1978), *Миф и литература древности*, Москва.
- Харитонов М. А. (1983), *Суды и судьбы в мировом фольклоре. / Книга о судах и судьях*. Составление, вступительная статья, указатели и примечания М. С Харитонова. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. Издание 2-е, переработанное и дополненное, Москва.
- Աճառյան, Հ. (1971), *Հայերեն արձակատաղանքի բնույթը*, Խ. Ա, Երևան:
- Մարգարյան, Ե. Հ. (2001), *Դրվագներ հին հայոց հոգևոր մշակույթի պատմության*, Երևան: